

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ, предлагаемый мною читателямъ, есть популярный обзоръ путешествія, предпринятаго мною въ горную область Сихотэ-Алиня въ 1906 году. Онъ заключаетъ въ себѣ географическія описанія пройденныхъ маршрутовъ и путевой дневникъ.

Въ моей книгѣ читатель найдетъ картины изъ природы страны и ея населенія. Многіе изъ этого уже въ прошломъ и приобрѣло интересъ историческій. За послѣднія пятнадцать лѣтъ Уссурійскій Край сильно измѣнился. Первобытныя дѣвственные лѣса въ большей части стчаны выгорѣли и на смѣну имъ появились лѣса, состоящіе изъ лиственничцы, березы и осины. Тамъ, гдѣ раньше ревелъ тигръ—нынѣ свиститъ паровозъ, гдѣ были маленькія фанзочки китайцевъ звѣролововъ — появились большія русскія селенія; инородцы отошли на сѣверъ и количество звѣря въ тайгѣ сильно уменьшилось. Край началъ утрачивать свою оригинальность и претерпѣвать то превращеніе, которое неизбѣжно несетъ за собой цивилизація.

Измѣненія произошли, главнымъ образомъ, въ южной части страны и въ низовьяхъ правыхъ притонъ р. Уссури, горная же область Сихотэ-Алиня къ сѣверу отъ 44° широты и понынѣ осталась такою же лѣсною пустыней, какъ и во времена Будищева и Венюкова (1857—1869г. г.).

Вначалѣ я считаю своимъ долгомъ принести благодарность тѣмъ лицамъ, которыя такъ или иначе способствовали моимъ начинаніямъ въ дѣлѣ изслѣдованія Уссурійскаго Края.

Болѣе всего я обязанъ бывшему въ то время Приамурскому Генералъ-Губернатору П. Ф. Унтербергеру. Этотъ государственный дѣятель былъ моимъ истиннымъ покровителемъ. Три мои экспедиціи въ Сихотэ-Алинь снаряжаются на средства, отпущенныя имъ отчасти изъ суммъ военнаго вѣдомства, отчасти изъ экстраординарнаго кредита, бывшаго въ его распоряженіи.

Среди морскихъ офицеровъ я тоже нашель доброжелателей и друзей въ лицѣ С. З. Балка, А. Н. Пелль и П. Г. Тигерстедта. Въ 1906 году они устроили для меня на берегу моря питательныя базы и на каждый пунктъ, кромѣ моихъ ящиновъ, добавили отъ себя еще по ящику съ краснымъ виномъ, консервами, галетами, бисквитами и т. д. П. Г. Тигерстедтъ, командуя отрядомъ миноносцевъ, неоднократно оказывалъ мнѣ всяческую помощь. Когда въ 1907 году я, больной и обезсиленный голодовками, лежалъ

берегу моря около устья р. Кулумбе, онъ, обезпокоенный моимъ дол-
гимъ отсутствіемъ, предпринялъ поиски и пришелъ на помощь ко мнѣ
въ самую критическую минуту. Нынѣ С. З. Балкъ отошелъ уже въ вѣч-
ность, А. Н. Пелль живетъ еще въ г. Владивостокѣ, П. Г. Тигерстедтъ слу-
жить въ Балтійскомъ морѣ. Я передъ ними въ долгу и не знаю, удастся
ли мнѣ когда нибудь отвѣтить имъ также услугой.

Если во время путешествій я и достигъ хорошихъ результатовъ, то
этимъ я въ значительной степени обязанъ своимъ спутникамъ: Н. А. Де-
сулави, Г. Г. Гранатману, А. И. Мерзлякову и П. П. Бордакову.

Большую часть своего успѣха я отношу къ примѣрной самоотвер-
женности и честной службѣ солдатъ и казачковъ, бывшихъ со мной въ пу-
тешествіяхъ. Мнѣ не только не приходилось ихъ понукать или подбадри-
вать, а, наоборотъ, приходилось останавливать изъ опасенія, что они на-
дорвутъ свое здоровье. Не смотря на лишенія, эти скромные труженики
терпѣливо несли тяготу походной жизни, и я ни разу не слышалъ отъ нихъ
ни единой жалобы. Многие изъ нихъ погибли въ войну 1914—1917 г. г.,
защищая свою Родину. Съ остальными-же я и по сіе время нахожусь въ
перепискѣ.

Во время путешествій командиры судовъ, г. г. военные, учителя, вра-
чи и многія частныя лица нерѣдко оказывали мнѣ различныя услуги и
совѣтами и дѣломъ неоднократно содѣйствовали и облегчали мои пред-
пріятія. Шлю имъ дружескій привѣтъ и благодарю за радушіе и гостепрі-
имство.

Не владѣя китайскимъ языкомъ въ такой степени, чтобы разбѣраться
въ іероглифахъ, я обратился къ оріенталисту П. В. Шкуркину, двад-
цать шесть лѣтъ прожившему въ Уссурійскомъ Краѣ и хорошо знающему
жизнь мѣстнаго манзовскаго населенія, съ просьбой транскрибировать
китайскія названія, записанныя землемѣрами, военными топографами, раз-
ными изслѣдователями и мною во время путешествій. П. В. Шкуркинъ, со
своейственной ему энергіей, быстро выполнилъ эту большую работу и напи-
салъ къ ней «Необходимое предувѣдомленіе», которое при этомъ и прила-
гается. Благодарю П. В. Шкуркина за услугу.

Каждый разъ, когда я оглядываюсь назадъ и вспоминаю прошлое,
предо мною встаетъ фигура верхнеуссурійскаго гольда Дерсу Узала, нынѣ
покойнаго. Сердце мое надрыгается отъ тоски, какъ только я вспоминаю
его и нашу совмѣстную съ нимъ странническую жизнь.

Если мы взглянемъ на этнографическую карту Уссурійскаго Края и
отыщемъ на ней гольдовъ, то увидимъ, что инородцы эти распредѣлились
узкою полосой по долинѣ р. Усури до устья Даубихе. Часть гольдовъ
обитала ранѣе по р. Улахе и ея притокамъ. Насъ интересуютъ именно эти
послѣдніе. Я сказалъ, обитавшихъ ранѣе. Это совершенно вѣрно, потому
что теперь верхнеуссурійскихъ гольдовъ нигдѣ нѣтъ. Они всѣ вымерли.
Въ 1901 году на р. Улахе ихъ оставалось всего только три человѣка: Кап-
ка Белдай, Ско Белдай и Дерсу Узала*). Первые двое въ томъ же году

весной были убиты хунхузами на р. Ното, а Дерсу въ 1908 году погибъ въ горахъ Хехцира въ 36 верстахъ отъ гор. Хабаровска.

Было бы ошибочно относить этихъ людей къ какой либо особой народности и отдѣлять ихъ отъ прочихъ гольдовъ. Въ антропологическомъ отношеніи они нисколько не отличались отъ своихъ сосѣдей рыболововъ, расселившихся по Уссури. Отличительною особенностью ихъ была страсть къ охотѣ. Живя въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рыбы было мало, а тайга изобиловала звѣремъ, они на охоту обратили все свое вниманіе. Въ погонѣ за соболемъ, на охотѣ за дорогими пантами**) и въ поискахъ за цѣлебнымъ могущественнымъ жень-шенемъ***) гольды эти далеко проникали на сѣверъ и не разъ заходили въ самые отдаленные уголки Сихотэ-Алиня. Это были отличные охотники и удивительнѣйшіе слѣдопыты. Путешествуя съ Дерсу и приглядываясь къ его пріемамъ, я неоднократно поражался, до какой степени были развиты въ немъ эти способности. Гольдъ положительно читалъ слѣды, какъ книгу, и въ строгой послѣдовательности восстанавливалъ всѣ событія

Трудно перечислить всѣ тѣ услуги, которыя этотъ человѣкъ оказалъ мнѣ и чинамъ моего отряда. Не разъ, рискуя своей жизнью, онъ смѣло бросался на выручку погибающему, и многіе обязаны ему жизнью, въ томъ числѣ и я лично. Въ 1895 году во время грознаго наводненія въ урочищѣ Анучинѣ Дерсу спасъ отъ гибели многихъ солдатъ и нѣсколько семействъ офицеровъ, священника и почтово-телеграфнаго чиновника.

Въ виду той выдающейся роли, которую игралъ Дерсу въ моихъ путешествіяхъ, я опишу сначала маршрутъ 1902 года по р.р. Цимухе и Лесфу, когда произошла моя первая съ нимъ встрѣча, а затѣмъ уже перейду къ экспедиціи 1906 года.

Свои путешествія я закончилъ въ 1910 году. Слѣдующіе три года мною были посвящены обработкѣ собранныхъ матеріаловъ при любезномъ содѣйствіи извѣстныхъ специалистовъ Л. С. Берга, И. В. Палибина, С. А. Бутурлина и Я. С. Эдельштейна.

Къ 1917 году къ печати были готовы три книги: 1) «По Уссурійскому Краю», 2) «Дерсу Узала» и 3) «Въ горахъ Сихотэ-Алиня». Еще въ черновомъ видѣ онѣ ходили по рукамъ среди моихъ друзей и знакомыхъ, въ числѣ которыхъ не мало было и педагоговъ. Ихъ отзывы и мнѣнія утвердили меня въ томъ, что общество привѣтствовало бы появленіе такого научно популярнаго описанія Края, изъ котораго учащаяся молодежь почерпнула бы не мало интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній.

*) Дарчу Очжалъ.

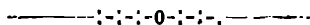
**) Молодые рога оленей, цѣнные китайцами очень высоко, какъ лекарство.

*) Растеніе, которому китайцы приписываютъ чудодѣйственныя свойства возвращать молодость старческому тѣлу и исцѣлять всѣ недуги. Объ немъ будетъ подробно сказано ниже.

Однако революція и связанный съ нею крахъ печатнаго дѣла въ Россіи принудили отложить изданіе этихъ книгъ до болѣе благопріятнаго времени.

Навстрѣчу мнѣ въ этомъ отношеніи пошелъ г-нъ З. Ивадо, предоставивъ по современнымъ условіямъ возможность наиболѣе льготнаго печатанія книгъ въ своей типографіи «Эхо», что въ свою очередь позволило удешевить первое изданіе, предназначенное для широкой публики и учащейся молодежи. Не могу не упомянуть также о моемъ другѣ Н. А. Спѣшневѣ, благодаря посредничеству котораго въ этомъ дѣлѣ первая моя книга «По Уссурійскому Краю» увидѣла свѣтъ.

АВТОРЪ.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Установить точную транскрипцію китайскихъ названій и точно перевести ихъ возможно, въ большинствѣ случаевъ, лишь тогда, когда имѣется запись этого названія іероглифами, причемъ запись должна быть слѣлана образованнымъ мѣстнымъ жителемъ — китайцемъ. При невыполненіи хотя-бы одного изъ этихъ условій. — рѣчь за правильности транскрипцій и перевода нельзя, п. ч. одинъ и тотъ же звуковой комплексъ можетъ быть записанъ огромнымъ количествомъ разныхъ іероглифовъ, — а, слѣд., — такое же количество (или еще большее) будетъ и разныхъ переводовъ одного и того же названія.

Часто случается, что и мѣстный житель, но малообразованный китаецъ (образованныхъ же между охотниками, дававшими первыя названія — не встрѣчается вовсе) вмѣсто іероглифа, напримѣръ, «пи» кожа, — ставитъ іероглифы: «пи» — числительную частицу лошадей, «пи» — числительную частицу матерій, или даже «би» — носъ *) «би» — непрѣмѣнно, и т. д.

Если іероглифы будетъ устанавливать хотя-бы и образованный китаецъ, но не мѣстный житель, — то и онъ, не зная мѣстныхъ особенностей, на которыя указываетъ названіе, — часто не можетъ опредѣлить, какой слѣдуетъ поставить іероглифъ, ибо звучащихъ похоже или одинаково, но пишущихся разнo и имѣющихъ разныя значенія, іероглифовъ очень много.

Еще хуже обстоитъ дѣло, если названія записывалъ европеецъ, особенно не изучавшій специально китайскаго языка и незнакомый съ общепринятой транскрипціей. Не улавливая звуковъ китайскаго языка, не имѣя возможности раздѣлить сложное названіе на отдѣльные слоги, онъ, при всемъ своемъ желаніи и даже опытности, не можетъ правильно написать по русски китайскаго названія. Напр. «Сеуэгу» — нужно писать Сяо-цы-гов: «Мизангоу» — Ми-шань-цы-гов. и т. д.

Если же еще принять во вниманіе своеобразное произношеніе шань-лунскаго нарѣчія, на которомъ говоритъ большинство живущихъ въ Уссурійскомъ краѣ китайцевъ, — то будетъ очевиднымъ, что всѣ эти причины часто сдѣлаютъ совершенно невозможнымъ точное установленіе правильной транскрипціи и перевода китайскихъ названій мѣстности.

Поэтому не всѣ приведенныя въ настоящемъ трудѣ В. К. Арсеньева китайскія названія транскрибированы мною и переведены (конечно, съ помощью ученаго китайца) съ речательствомъ за точность: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у меня самого возникали сомнѣнія, бралъ наиболѣе подходящія изъ нѣсколькихъ чтеній и значеній, — и такія сомнительныя мѣста обозначалъ звѣздочкой.

*) Такая ошибка была допущена даже въ одномъ учебникѣ китайскаго языка для русскихъ, авторъ котораго зналъ разговорный китайскій языкъ, но не зналъ іероглифовъ, и довѣрился малообразованному китайцу.

П. ШКУРКИНЪ.

Харбинь, 20 марта 1917 г.

I.

СТЕКЛЯННАЯ ПАДЬ.

УХТА МАЙТУНЬ. СЕЛО ШКОТОВО. Р. БЭЙЦА. ВСТРѢЧА СЪ ПАН-
ТЕРОЙ. ДА-ДЯНЬ-ШАНЬ. ИЗЮБРИ.

Въ 1902 году во время одной изъ командировокъ съ охотничьей ко-
ндой я пробирался вверхъ по р. Цимухэ, впадающей въ Уссурійскій
ливъ около села Шкотова. Мой отрядъ состоялъ изъ шести человекъ
бирскихъ стрѣлковъ и четырехъ лошадей съ вьюками. Цѣль моей ко-
ндировки заключалась въ обследованіи Шкотовскаго района въ воен-
номъ отношеніи и въ изученіи переваловъ въ горномъ узлѣ Да-дянь-
инь(1), отсюда берутъ начало четыре рѣки: Циму, Майхе, Даубихе(2)
Лефу. Затѣмъ я долженъ былъ осмотрѣть всѣ тропы около озера Хан-
и вблизи Уссурійской желѣзной дороги.

Горный хребетъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, начинается около
пана и идетъ къ югу параллельно р. Уссури въ направленіи отъ С.С.В.

Ю.Ю.З. такъ, что на западъ отъ него будетъ р. Сунгача и оз. Ханна,
на востокъ—р. Даубихе. Далѣе онъ раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна
ветъ къ Юго-западу и образуетъ хребетъ Богатую Гриву, протянувшій-
вдоль всего полуострова Муравьева-Амурскаго, а другая вѣтвь на-
правляется къ югу и сливается съ высокою грядою, служащею водораз-
ломъ между р.р. Даубихе и Сучаномъ(3).

Верхняя часть Уссурійскаго залива называется бухтою Майтунъ.
Хта эта раньше значительно глубже вдавалась въ материкъ. Это бро-
сается въ глаза съ перваго взгляда. Береговые обрывы нынѣ отодвинуты
отъ страны верстъ на пять. Устье р. Тангоузы(4) раньше было на мѣ-
стѣ нынѣшнихъ озеръ Санъ(5) и Эль-Поуза(6), а устье р. Майхе(7) на-

1) Да-цзянь-шань—Большія остроконечныя горы.

2) Дао-бинъ-хэ—Рѣка, гдѣ много было сраженій.

3) Су-чанъ—Площадь, засѣваемая растеніемъ су-цзы, изъ котораго китайцы
извлекаютъ такъ называемое травяное масло.

4) Танъ-гоу-цзы—Болотистая падь.

5) Санъ—Разлившееся озеро.

6) Эръ цзо-цзы—Вторая заводь.

7) Май-хэ—Рѣка, гдѣ много сѣютъ ишеницы.

ходило немного выше того мѣста, гдѣ теперь пересѣкаетъ ее желѣзная дорога. Вся эта площадь въ 22 кв. версты представляетъ изъ себя болотистую низину, заполненную наносами р.р. Майхе и Тангоуза. Среди болотъ сохранились еще кое-гдѣ озера съ водою, они указываютъ, гдѣ были мѣста наиболѣе глубокия. Этотъ медленный процессъ отступанія моря и нарастанія суши происходитъ еще и теперь. Скоро та же участь постигнетъ и бухту Майтунъ. Она и теперь уже достаточно мелководна. Западные берега ея слагаются изъ порфировъ, а восточные изъ третичныхъ отложений: въ долинѣ Майхэ развиты граниты и сіениты, а къ востоку отъ нея—базальты(8).

Село Шкотово находится около устья рѣки Цимухе, на правомъ берегу. Основаніе его относится къ 1864 году. Въ 1868 году его сожгли хунхузы, но на другой годъ оно возродилось снова. Пржевальскій въ 1870 году въ немъ насчиталъ 6 дворовъ и 34 души обоаго пола(9). Я уже засталъ Шкотово довольно большимъ селомъ(10).

Здѣсь мы провели двое сутокъ, осматривали окрестности и снаряжались въ далекій путь. Рѣка Цимухе длиною въ 30 верстъ, течетъ въ широтномъ направленіи и имѣетъ съ правой стороны одинъ только притокъ Бейчу. Долину, по которой протекаетъ рѣка, здѣшніе переселенцы называютъ «Стеклянной Падью». Такое названіе она получила отъ китайской звѣровой фанзы, въ окнѣ которой былъ вставленъ небольшой кусочекъ стекла. Надо замѣтить, что тогда въ Уссурійскомъ Краѣ не было ни одного стекольнаго завода, и потому въ глухихъ мѣстахъ стекло цѣнилось особенно дорого. Въ глубинѣ горъ и лѣсовъ оно было своего рода мѣновой единицей. Пустую бутылку можно было вымѣнять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы рассказываютъ, что во время ссоръ враги старались проникнуть другъ къ другу въ домъ и переребить стеклянную посуду. Немудрено поэтому, что кусочекъ стекла въ окнѣ китайской фанзы(11) былъ роскошью. Это обратило вниманіе первыхъ переселенцевъ и они назвали «Стеклянной» не только фанзу и рѣчку, но и всю прилегающую мѣстность.

Отъ Шкотова вверхъ по долинѣ Цимухе сначала идетъ проселочная дорога, которая послѣ села Новороссійскаго сразу переходитъ въ тропу. По этой тропѣ можно выйти и на Сучанъ, и на р. Кангоузу(12) къ селу Новонѣжину. Дорога нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега рѣки на другой, и это является причиной, почему во время половодья сообщеніе по ней прекращается.

Изъ Шкотова мы выступили рано, въ тотъ же день дошли до Стеклянной Пади и свернули въ нее. Рѣка Бейча течетъ на З.Ю.З. почти по прямому направленію и только около устья поворачиваетъ на западъ.

8) Д. Н. Мушкетовъ. Геологическое описаніе района Сучанской ж. д. 1910 г.

9) Н. М. Пржевальскій — Путешествіе по Уссурійскому Краю 1869 г. стр. 135—136.

10) Въ 1902 году въ селеніи насчитывалось 88 семействъ.

11) Рѣшетчатая окна въ китайскихъ фанзахъ оклеиваются тонкой бумагой.

12) Гань-гоу-цамъ—Сухая Падь (долина).

Ширина Стеклянной Печи не вездѣ одинакова; то она суживается сажень до пятидесяти, то расширяется болѣе, чѣмъ на полуверсту. Какъ и большинство долинъ въ Уссурийскомъ Краѣ, она отличается удивительной равнинностью. Окаймляющія ее горы, поросшія корявымъ дубнякомъ, имѣютъ очень крутые склоны. Граница, гдѣ равнина соприкасается съ горами, обозначена чрезвычайно рѣзко. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь были большіе денудационные процессы. Долина раньше была гораздо глубже и только впоследствии исполнилась наносами рѣки.

По мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ горы, растительность становилась лучше. Дубовое рѣдколѣсье смѣнилось густыми смѣшанными лѣсами, среди которыхъ было много кедра. Путеводною нитью намъ служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и исцѣплями жень-шеня. Дня черезъ два мы достигли того мѣста, гдѣ была «Стеклянная фанза», но нашли здѣсь только ея развалины. Съ каждымъ днемъ тропинка становилась все хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многихъ мѣстахъ была завалена буреломомъ. Вскорѣ мы ее совсѣмъ потеряли. Встрѣчались намъ и звѣровыя тропы; мы пользовались ими, пока онѣ тянулись въ желательномъ для насъ направленіи, но больше шли цѣлиною. На третій день къ вечеру мы подошли къ хребту Да-дянь-шань, который идетъ здѣсь въ меридіальномъ направленіи и имѣетъ высоту въ среднемъ около 2.450 фут. Оставивъ людей внизу, я съ унтеръ-офицеромъ Олентьѣвымъ поднялся на одну изъ сосѣднихъ вершинъ, чтобы оттуда посматрѣть, далеко ли еще осталось до перевала. Сверху хорошо были видны всѣ горы. Сказалось, что водораздѣлъ отъ насъ былъ въ двухъ или трехъ верстахъ. Стало ясно, что къ вечеру намъ не дойти до него, а если-бы мы и дошли, то рисковали заночевать безъ воды, потому что въ это время года горныя ключи въ истокахъ почти совсѣмъ изсякаютъ. Я рѣшилъ встать на бивакъ тамъ, гдѣ остались лошади, а завтра съ свѣжими силами идти къ перевалу.

Обыкновенно свой маршрутъ я никогда не затягивалъ до сумерокъ и останавливался на бивакъ такъ, чтобы засвѣтло можно было поставить палатки и натаскать дровъ на ночь. Пока стрѣлки возились на бивакѣ, я пользовался свободнымъ временемъ и отправлялся осматривать ближайшія окрестности. Постояннымъ моимъ спутникомъ въ такого рода экскурсіяхъ былъ унтеръ-офицеръ Поликарпъ Олентьевъ—отличный человѣкъ и прекрасный охотникъ. Такъ было и на этотъ разъ. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, мы взяли съ нимъ ружья и пошли на развѣдки.

Солнце только что успѣло скрыться за горизонтомъ, и въ то время, когда лучи его золотили верхушки горъ, въ долинахъ появились сумеречныя тѣни.

На фонѣ блѣднаго неба рѣзко выдѣлялись вершины деревьевъ съ пожелтѣвшими листьями. Среди птицъ, наѣдомыхъ, въ сухой травѣ, словомъ,—всюду, даже въ воздухѣ, чувствовалось уже приближеніе осени.

Перейдя черезъ невысокій хребетъ, мы попали въ сосѣднюю долину, поросшую густымъ лѣсомъ. Широкое и сухое ложе горнаго ручья

перестало ее поперекъ. Тутъ мы разошлись. Я пошелъ по галечниковои отмели влѣво, а Олентьевъ—вправо. Не прошло и двухъ минутъ, какъ, вдругъ, въ его сторонѣ грянулъ выстрѣлъ. Я обернулся и въ это мгновение увидѣлъ, какъ что-то гибкое и пестрое мелькнуло въ воздухѣ. Я бросился къ Олентьеву. Онъ поспѣшно заряжалъ винтовку, но, какъ на грѣхъ, одинъ патронъ застрѣлъ въ магазинной коробкѣ, и затворъ не закрывался.

Кого ты стрѣлялъ?—спросилъ я его.

Кажется, тигра, отвѣчалъ онъ. Звѣрь сидѣлъ на деревѣ. Я хорошо прицѣлился и, навѣрное, попалъ.

Наконецъ, застрѣвшій патронъ былъ вынутъ. Олентьевъ вновь зарядилъ ружье, и мы осторожно двинулись къ тому мѣсту, гдѣ скрылось животное. Кровь на сухой травѣ указывала, что звѣрь дѣйствительно былъ раненъ. Вдругъ, Олентьевъ остановился и сталъ прислушиваться. Впереди, немного вправо отъ насъ, слышался храпъ. Сквозь заросли папоротниковъ ничего нельзя было видѣть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало намъ путь. Олентьевъ хотѣлъ было уже перелѣзть валежникъ, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстрѣчу. Олентьевъ второпяхъ выстрѣлилъ въ упоръ, даже не вставляя приклада ружья въ плечо—и очень удачно. Пуля попала прямо въ голову звѣря. Онъ упалъ на дерево и повисъ на немъ такъ, что голова и переднія лапы свѣсились по одну сторону, а задняя часть тѣла по другую. Убитое животное сдѣлало еще нѣсколько конвульсивныхъ движеній и начало грызть землю. Въ это время центръ тяжести перемѣстился, оно медленно подалось впередъ и грузно свалилось къ ногамъ охотника.

Съ перваго же взгляда я узналъ маньчжурскую пантеру (*Felis orientalis Schleg*)(13), называемую мѣстными жителями «барсомъ». Этотъ великолѣпный представитель кошачьихъ былъ изъ числа крупныхъ. Длина его тѣла отъ носа до корня хвоста равнялась 4 футамъ и 8 дюймамъ. Шкура пантеры, ржаво-желтая по бокамъ и на спинѣ и бѣлая на брюхѣ, была покрыта черными пятнами, причемъ пятна эти располагались рядами, какъ полосы у тигра. Съ боковъ, на лапахъ и на головѣ они были сплошныя и мелкія, а на шеѣ, спинѣ и хвостѣ—крупныя кольцевыя.

Въ Уссурийскомъ Краѣ пантера держится только въ южной части страны и, главнымъ образомъ, въ Суйфунскомъ, Посѣтскомъ и Барабашевскомъ районахъ. Главной пищей ей служатъ пятнистые олени, дикія козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь отъ человѣка, пантера влѣзаетъ на дерево и выбираетъ такой сунъ, который приходится противъ ея слѣдовъ на землѣ и, слѣдовательно, какъ разъ противъ луча зрѣнія охотника. Растянувшись вдоль него, она кладетъ голову на переднія лапы и въ этомъ положеніи замираетъ. Она отлично понимаетъ, что со стороны головы ея тѣло, прижатое къ суку, меньше замѣтно, чѣмъ сбоку.

13) Научныя названія животныхъ мною получены отъ Консерватора Музея въ гор. Владивостокѣ А. И. Черскаго.